

ЭЛЬВИРА ИЛЬЮШИНА,

старший преподаватель кафедры социологии Государственной академии руководящих кадров культуры и искусств

Глобализация и постмодерное общество

Abstract

Globalization has become very popular in many social sciences. The article deals with studies on essence of globalization as a social and economic process, and its influence on formation of the post-modern society in the West, where it is considered to be a model to follow suit. The author describes some characteristics of the western technologically developed society related to globalization in order to question its attractiveness as a model for Ukrainian society developing its own national state.

В последнее время явление глобализации и глобализационные процессы привлекают пристальное внимание политиков, журналистов и ученых-обществоведов. Ведутся дискуссии, проводятся конференции, пишутся статьи, монографии и т.п. Уделяют внимание феномену глобализации и социологи, пытающиеся выяснить сущность глобализации как социального явления и социального процесса. Сначала глобализацию рассматривали, в частности Дж.Ритцер, как позитивный процесс проникновения западного (западной модели развития, западного образа жизни, западных ценностей как самых лучших и наиболее прогрессивных) во все сферы жизни разных стран мира, в ходе которого укрепляются связи и взаимозависимость между ними [1]. Со временем стали обращать внимание на столкновение процесса глобализации с процессами государственного строительства, на неоднозначный и противоречивый характер глобализации, на тенденции сопротивления главной ее идее — идее единства и унификации. Немецкий социолог У.Бек утверждает, что глобализация — это, прежде всего, образование и распространение смешанных форм социальности — создание множества разнопорядковых локальностей, взаимодействующих друг с другом, что приводит к одновременным процессам гомогенизации и гетерогенизации. Эти процессы, которые, по его мнению, отражают сущность глобализации, У.Бек интерпретирует как

“глокализацию” [2]. Э.Гидденс трактует глобализацию как процесс укрепления международных социальных отношений и отмечает, что главным ее признаком является способность пространственно отдаленных событий влиять, нередко мгновенно, друг на друга [3]. Дальнейшее изучение глобализационных процессов обусловило концентрацию внимания на выяснении их реальных и возможных, оцениваемых как преимущественно негативные, последствий для человека и общества [2; 4]. И.Валлерстайн сосредоточивается на том, что в процессе глобализации образуется глобальное общество — мир-система, центром которой являются страны ядра — наиболее развитые страны мира, эксплуатирующие менее развитые страны, которые образуют полупериферию и периферию [5]. Отечественные социологи, в частности, А.Арсенко, Е.Головаха, А.Ручка, В.Танчер, Н.Бойко, А.Малюк, Н.Толстых, М.Паращевин, А.Резник, также уделяют внимание изучению глобализационных процессов и исследованию их влияния на отдельные сферы жизнедеятельности украинского общества [6–16].

Таким образом, в теоретической социологии глобализация предстает в качестве остро дискуссионной и актуальной проблемы, требующей решения, невозможного без выяснения ее сущности. На практике проблема прежде всего заключается в том, что экономика, функционирующая в глобальных масштабах, подрывает основы национальной экономики и национальных государств, поскольку политика глобализации направлена на устранение национально-государственных ограничений [2, с. 10, 12]. Вследствие глобализационных процессов общества модерна (индустриальные общества), подчинявшиеся национальным государствам, которые сейчас разрушаются, переживают существенные изменения, приводящие к возникновению нового общества — общества постмодерна. В предлагаемой статье автор ставил перед собой цель проанализировать содержание современных социально-экономических процессов глобализации; прояснить влияние процессов глобализации на становление общества постмодерна и выявить его характерные социологические признаки.

В 80–90-х годах XX века для наиболее проницательных социальных аналитиков стали очевидными качественные преобразования общественной жизни в индустриально развитых странах Запада, вызванные процессами глобализации и информатизации, которые привели к революционным изменениям в экономической, политической и культурной жизни западного человека и общества, ознаменовав начало новой культурной эпохи и обусловив появление новых, кардинально отличающихся от предыдущих социокультурных реалий, что дает основания говорить о фундаментальных сдвигах в отношениях между людьми, в отношении человека к самому себе и ко всему окружающему. Учитывая это, социологи говорят о становлении нового общества, которое в социологической науке имеет множество названий: постиндустриальное, посткапиталистическое, постнефтяное, информационное и наконец — постмодерное.

Общество модерна

Чтобы проследить уровень влияния глобализационных процессов на возникновение нового постмодерного общества, необходимо понять, в чем заключается его отличие от предыдущего модерна, сформированного ценностями эпохи Просвещения — эпохи модерна (от понятия “модерн”, которым чаще всего характеризуют Новое и Новейшее время). По сути, мо-

дерное общество отождествляется в социологии с индустриальным обществом, окончательно сформировавшимся на Западе в 50-х годах XX века на основе промышленного производства и частной собственности, бизнеса и менеджеризма, а также на принципах плюралистической демократии и корпоративизма. Оплотом индустриального общества были, в первую очередь, труд и капитал. В социологических исследованиях отмечают, что общество эпохи модерна возникает как результат процесса модернизации всех сфер общественной жизни, в ходе которого аграрные традиционные общества становятся развитыми индустриальными обществами, обычно имеющими индустриальную капиталистическую экономику, демократическую политическую организацию и социальную структуру, основанную на разделении общества на социальные классы.

Глобализация. Возникновение глобальной экономики

Вследствие ускорения интеграционных процессов, прежде всего в экономической сфере, как внутри национальных государств, так и в пределах Западной Европы и Запада в целом, образ современного общества начинает быстро меняться. Интеграционные процессы в экономике были вызваны усилением конкуренции и расширением международного разделения труда, происходившими в условиях увеличения объема торговли между западными странами. Усиление зависимости стран и регионов друг от друга в вопросах ввоза и вывоза товаров и услуг обусловило регламентацию торговли в масштабах Западной Европы, когда в 1957 году пять европейских стран — Франция, ФРГ, Италия, Бельгия, Нидерланды и Люксембург — подписали так называемый Римский договор (к которому со временем присоединились еще несколько стран, в том числе Великобритания, Дания, Ирландия) о создании Европейского экономического сообщества (ЕЭС), главной целью которого провозглашалось введение свободной торговли между членами ЕЭС и постепенная отмена всех ограничений в торговле. В соответствии с этой целью предусматривались: введение единого таможенного тарифа в торговле с “третьими” странами; устранение барьеров на пути свободного движения “людей, капиталов и услуг”; единая политика в сфере транспорта и сельского хозяйства; создание валютного союза и унификация налоговых систем; согласование законодательств стран-участниц; и наконец, разработка принципов согласованной экономической политики. Так, собственно, как следствие увеличения торговых операций и попыток регламентировать их и упорядочить конкуренцию начался процесс создания общей европейской экономики, процесс, который привел к усилению потоков производства, инвестиций, индивидов и информации, иначе говоря — к повышению мобильности капитала, рабочей силы и идей, а позже — к интеграции и взаимосвязанности всех экономических аспектов (сырья, труда, информации, транспорта, финансов, распределения, маркетинга) в общеевропейском, а со временем и мировом масштабе. Этот процесс, в ходе которого возникает глобальная экономика, определяемая испанским социологом М.Кастельсом как экономика, “способная работать как единая система в реальном времени в масштабе всей планеты” [17, с. 105], в итоге получил название “глобализация”. Вместе с тем следует отметить, что глобализация — это не только процесс создания глобальной экономики. Глобализация — это, собственно, совокупность всех современных социальных, экономических, политических, информационных, торговых, финансовых, транс-

портных, трудовых, культурных, коммуникационных изменений и процессов, происходящих под влиянием экономико-технологических и информационно-технологических факторов, прежде всего в странах Западной Европы, США и Японии.

Особенностью современного этапа интеграционных экономических процессов является переход от монокапитализма к мультинационализму, связанный с интенсификацией планетарной деятельности транснациональных корпораций (ТНК), появившихся в Европе в огромном количестве после Второй мировой войны [6, с. 43]. Ради получения максимальных прибылей в условиях жесткой конкурентной борьбы руководство ТНК внедряло и внедряет на своих предприятиях передовые наукоемкие производственные технологии, наряду с применением новых технологий управления и организации труда. На производственных предприятиях ТНК благодаря широко-масштабной компьютеризации, роботизации и применению микропроцессорных технологий внедряются постфордистские методы производства, на которых основывается экономическая система индустриально развитых обществ, характеризующаяся в социологии как постиндустриальная.

Считается, что современные общества находятся под влиянием фордистских методов производства и маркетинга, возникших на основе крупномасштабных предприятий, производивших товары массового потребления, то есть стандартизированную продукцию, для массовых рынков, к тому же по цене, порождающей массовое потребление. Наряду с этим производство товаров массового потребления основывалось на негибких производственных процессах и жестких иерархических и бюрократических управленческих структурах. При этом допускалось использование неквалифицированного или полуквалифицированного труда для выполнения рутинных повторяющихся операций [18, с. 397]. На предприятиях фордистского типа довольно широко внедрялись приемы научного менеджмента, а при разработке соглашений относительно заработной платы значительную роль играли профсоюзы. К 1970-м годам фордизм превратился в общепринятый метод производства стандартизированных изделий в больших объемах во многих отраслях промышленности во всем мире. В отличие от такого подхода постфордистские методы — это гибкие методы специализированного производства продуктов ограниченными партиями с использованием квалифицированного труда на средних и малых предприятиях, которые благодаря гибким производственным процессам хорошо ориентируются в соотношении спрос–предложение. Благодаря постфордистской организации производства и производственных отношений доходы ТНК значительно возросли и одновременно усилилось их влияние на ход социоэкономических, а значит и политических и культурных процессов в мире, особенно в западных странах. В отличие от фордизма, объективно способствовавшего развитию национальных рынков, сторонники постфордизма основную ставку делают на мультинационализацию рынков, материальных, финансовых, людских и других ресурсов. Постфордизм, как отмечает южнокорейский социолог М.-Р. Чоу (M.R. Cho), утверждает такую структуру накопления капитала, которая связывает в единое целое технологическую парадигму, индустриальную организацию и социальные процессы [см.: 6, с. 44–45]. К социальным и экономическим изменениям постфордистского перехода относят: уменьшение роли добывающей и обрабатывающей отраслей промышленности и увеличение значения отраслей, связанных со сферой услуг;

более гибкие и децентрализованные формы организации труда, применяющиеся в рамках гибкого производства (*flexible production*); реорганизованный трудовой рынок, характеризующийся появлением гибкого звена в лице квалифицированных служащих и гибкостью в плане расположения производства в странах с низкооплачиваемыми работниками, выполняющими временную работу и не имеющими никаких социальных гарантий; уменьшение или вовсе сведение к нулю роли национальных профсоюзов; последовательное преодоление в профессиональной структуре традиционного количественного преобладания на предприятиях “синих воротничков” (рабочих ручного труда), занятых на сборочных конвейерах и выполняющих изнурительную и однообразную работу, среди которых преобладают люди с начальным образованием, а их заработок невысок (часто на уровне официального минимума). В результате технологических изменений значительно увеличивается удельный вес высококвалифицированных рабочих, осуществляющих процедуры измерения, контроля и управления, что сближает их по характеру труда и роли в процессе производства с инженерно-техническим персоналом; при этом высококвалифицированные рабочие, как правило, имеют среднее техническое образование, а их заработная плата в несколько раз превышает официальный минимум. Одновременно увеличивается количество “белых воротничков”, как называют рабочих неручного труда — профессиональных, технических, управленческих и других служащих сектора услуг, обычно занимающихся чистой работой в офисе или в магазине; они, как правило, имеют среднее образование, большинство из них составляют женщины, поэтому говорят о феминизации многих трудовых процессов. Параллельно с ростом численности таких рабочих наблюдается падение престижа их работы, поскольку и по оплате, и по условиям труда, равно как и по происхождению и общественному положению они приблизились к квалифицированным рабочим. Применение методов специализированного производства продукта ограниченными партиями направлено на поддержку различных типов потребления, основанных на стремлении индивидов выбирать собственный оригинальный стиль самовыражения, поскольку рынки становятся сегментированными, то есть способными удовлетворить любой спрос. Кстати, спрос предварительно изучается, отсюда и внимание к различиям, упаковке и внешнему виду товаров. Вместе с тем следует отметить преобладание и автономию ТНК в глобальном процессе капиталистического производства, а также новое международное разделение труда, означающее изменения в мировой экономике, благодаря которым отдельные промышленные процессы переводятся в страны третьего мира, где рабочая сила самая дешевая. Основой нового международного разделения труда является новая гибкость, благодаря которой может быть организовано глобальное производство [18, с. 398]. Важнейшим социальным результатом постфордистской организации экономики является снижение роли бюрократических форм организации производства по сравнению с ролью отношений конкуренции на рынке. Подчеркнем, что гибкие системы производства помогают создавать материальные возможности для индивидуального выбора стиля жизни или тождественности, что является характерной чертой постмодерна.

Таким образом, на производственных предприятиях ТНК благодаря внедрению новейших технологий на место фордистских методов организации производства, практиковавшихся в современном обществе, приходят пост-

фордистские, что свидетельствует о качественно новом этапе общественных отношений. Как заметил М.Кастельс: “Новое общество возникает, когда (и если) наблюдается структурная реорганизация в производственных отношениях, отношениях власти и отношениях опыта. Эти преобразования приводят к одинаково значительным модификациям общественных форм пространства и времени и возникновению новой культуры” [17, с. 496].

Не следует также забывать о том, что глобализация экономики стала возможной благодаря быстрому развитию транспортных систем и средств связи. Вместе с тем бурное развитие экономики породило новые мощные потоки информации, структура которой постоянно усложнялась, что требовало новых возможностей обработки и передачи информации, возникших с появлением универсального программированного компьютера и все возрастающих благодаря созданию информационных технологий (ИТ), как называют любые машинные технологии коммуникации. Постепенно ИТ начинают активно использовать в промышленности, в первую очередь для автоматизации предприятий, что имело огромное значение для их организации и накопления опыта работы. Внедрение ИТ в производство способствовало упорядочению значительных потоков информации, используемой менеджерами в управлении и координации действий предприятий. Позже, благодаря существенному удешевлению стоимости единицы компьютерной мощности, использование ИТ вышло за пределы промышленности и охватило сферы домашнего быта и досуга, дав в распоряжение человека огромные информационные и коммуникационные ресурсы, которых он никогда не имел раньше, и одновременно изменив качество жизни, уничтожив границы между трудом и отдыхом, преобразовав пространство, сжав время, создав виртуальную реальность. Важно также, что ИТ путем упорядочения разнообразных потоков информации через средства массовой информации передают и распределяют информацию и другие формы символической коммуникации широкой, разнородной и географически рассредоточенной аудитории и, к тому же, в сочетании с аудиовизуальными средствами, создает многообразие поведенческих моделей, которые постоянно, ежедневно на рабочем месте и в быту окружают человека и все осязаемее программируют его деятельность.

Революционные изменения в способе передачи информации обусловили такой сравнительно новый (1980-е годы) способ коммуникации, как Интернет, являющийся детищем передовых военных технологий США (предшественник — сеть ARPANET, которая вышла на линию в 1969 году). Именно Интернет предоставил небывалые возможности для проникновения ТНК в самые отдаленные рынки мира и при этом существенно уменьшил себестоимость присутствия их филиалов в этих регионах, благодаря чему доходы ТНК значительно возросли. Однако гораздо более важной оказалась роль, которую Интернет сыграл в развитии внутреннего рынка высокотехнологичных стран. Его стремительное распространение вызвало к жизни новый экономический феномен: постоянное и динамичное увеличение ВВП, происходившее практически независимо от уровня роста производительности труда [19, с. 222]. Интернет придал глобальной экономике качественно новые свойства, отсутствовавшие в первые десятилетия XX века — именно он позволил глобальной экономике работать как единая система в режиме реального времени в масштабе всей планеты. Компьютерная революция объединила в единое целое политическое, технологическое и

экономическое информационное пространство Запада, сделав возможным “активное, одновременное и взаимное установление контакта между отдельными акторами поверх всех границ между странами, религиями и континентами” (У.Бек). Она выдвинула новые требования к свободе и правам личности, которые прежняя экономика, основывавшаяся на строгой субординации, не могла удовлетворить. Она подвергла сомнению значение капитала как ведущего фактора производства и одновременно изменила значение труда, который уже не играет главную роль в жизни людей, и придала ему новые измерения. Электронные коммуникативные средства, таким образом, создали качественно новые возможности и кардинально изменили жизнь людей в современных индустриально развитых обществах Запада, положив начало качественно новому этапу социального общения, на котором, в определенной мере, утрачивают свое значение географические расстояния и различия экономических систем.

Возникает вопрос: каким образом глобализационные процессы, которые ныне наблюдаются почти во всех сферах общественной жизни западных стран, влияют на общество, общественные процессы и человека как социальное существо?

Хотя некоторые исследователи глобализационных процессов и убеждают, что для индустриально развитых стран глобализация принесла позитивные результаты, тем не менее существует противоположное мнение, наиболее выразительно репрезентируемое антиглобалистским движением, сторонники которого рассматривают глобализацию как завуалированную форму империализма, когда усиливается эксплуатация рабочих, развивающихся стран, меньшинств и природы в целом. Кстати, глобализацию нередко рассматривают, с чем нельзя не согласиться, как “капиталистическую” альтернативу коммунистической идее интернационализма, выродившуюся на практике в попытку политического и культурного гегемонизма [20, с. 6].

Глобализация бедности, или конец гражданского общества

Среди негативных последствий глобализационных процессов прежде всего называют глобализацию бедности. Причем следует заметить, что распространение бедности происходит на фоне общего обогащения западных стран. По данным У.Бека, страны Европейского Союза (ЕС) за последние двадцать лет XX века стали богаче на 50–70%. Тем не менее, отмечает немецкий социолог, “ЕС насчитывает сегодня двадцать миллионов безработных, пятьдесят миллионов бедных и пять миллионов бездомных” [2, с. 17]. “Куда же девается национальное богатство?” — спрашивает Бек. По-видимому, оно концентрируется в руках немногих. С У.Беком соглашается польско-британский социолог З.Бауман. Оба говорят о том, что в условиях глобализации вызрела и получила распространение “новая бедность”, которую они еще называют относительной бедностью. Между прочим, к бедным в Западной Европе относят тех, чей доход составляет менее половины среднего дохода по стране [21, с. 204]. Эта “новая бедность”, по их мнению, приводит к тому, что человек оказывается за пределами общества и превращается, по сути, в изгоя, теряя при этом способность выполнять долг гражданина. З.Бауман, анализируя кризисное состояние системы социального обеспечения и связанный с этим “конец” государства всеобщего благоденствия, объясняет феномен появления “новых бедных” логикой капиталистического произ-

водства, замечая: “Времена промышленности, применявшей массы работников, ушли в прошлое, во всяком случае в нашей части мира, и армия, основанная на всеобщей воинской повинности, также принадлежит теперь истории. Современные вооружения требуют меньшей численности профессиональных солдат, а технический прогресс в производстве товаров привел сегодня к уменьшению потребности в занятых...” И, продолжая свою мысль, отмечает: “... в обществе, где потребители, а не производители являются движущей силой экономического процветания ... бедняки не представляют ценности и в качестве потребителей” [22, с. 93–94]. Таким образом, “новые бедные” превращаются в постоянную группу обездоленных, в “класс вне классов”, в группу, находящуюся за пределами “социальной системы”, сословие, без которого все остальные чувствовали бы себя лучше и удобнее [22, с. 94]. Эту позицию Баумана разделяет и М.Кастельс, называя среди “фундаментальных социальных разломов” информационной эпохи “социальное исключение значительного сегмента общества, состоящего из сброшенных со счетов индивидов, чья ценность как рабочих/потребителей исчерпана и чья значимость как людей игнорируется” [17, с. 501]. Таким образом, в западном обществе под влиянием глобализации появляется новый элемент социальной структуры — группа “социально исключенных”, что свидетельствует если не о конце, то по крайней мере о кризисе гражданского общества. Западные социологи отмечают, что бедность и безработица подрывают основы западной демократии, угрожают социальной солидарности и подвергают сомнению возможность социального порядка, о котором мечтали основатели социологической науки.

Личность в опасности: угроза асоциализации и деперсонализации

Нельзя не отметить и такое негативное последствие глобализационных изменений, как наблюдаемые многими аналитиками все большая дегуманизация человека, его моральная деградация и “раскультивание”, что свидетельствует об упадке духовной сферы общества. Ориентация подавляющего большинства людей Запада на ценности материального и гедонистического характера, пропагандируемые (а если точнее — навязываемые) СМИ, их уверенность в возможностях своего разума улучшить мир дали старт гонке за богатством и наслаждением, ставшими главными целями жизни. Достижение этих целей представляется людям возможным благодаря научно-техническому прогрессу, ставшему одним из средств глобализации. Однако научно-технический прогресс, что уже всеми признано, несет и добро, и зло. Плоды его могут быть поставлены на службу людям, а могут стать орудием уничтожения всего живого. Оценивая его негативное влияние на человека как духовное существо, И.Дзюба отмечает, что “головокружительный технический прогресс ударил по “персональной надстройке” и эндотимной основе человека, фатально повредив, а то и вовсе оборвав его органическую связь с природной почвой”. Украинский ученый утверждает, что “утрата многообразия природных условий и впечатлений, радостей и стимулов, монотонность городского быта и технологизированного труда, стандартизация обучения, информации, развлечений, серийность духовной продукции, — все это приводит не только к эмоциональному обеднению жизни, но и к снижению моральной чувствительности, в частности в поисках суррогатных и стрессовых компенсаторов утраченных переживаний; к

ослаблению физического и психического здоровья, к постепенному сужению шкалы человечности, поскольку развиваться будут те составляющие человеческого характера, которые “вписываются” во все более искусственные условия существования” [20, с. 8–9]. То есть изменения в технологии производства изменяют характер труда и влияют на образ жизни, а следовательно, и на самого человека.

Замечено, что для современного западного человека главной ценностью становится новизна, когда шкала ценностей используется по простейшей схеме: последняя модель любого предмета потребления или произведения искусства считается лучше предыдущей. Замечено также, что западный человек теряет интерес к классике, которая обеспечивала его определенными знаниями о мире и могла бы стать противовесом массовой культуре. Его уже не интересуют классические формы культуры именно потому, что он воспринимает их как “бывшие”, а значит — несовременные. В культуре, как удачно заметил польский философ и писатель С.Лем, произошла подмена критериев, когда стоящим считается то, что является популярным, а “диктат популярности — это диктат денег” [23, с.138–139]. Искусство все в большей мере коммерциализируется. Однако коммерческое искусство ничего не объясняет, а значит, не помогает человеку ориентироваться в этом сложном мире. К тому же массовая культура, справедливо отмечает И.Дзюба, равняет по низшему, а не по высшему уровню, она подавляет персоналистское развитие человека, которое декларируют и пытаются обеспечить западные демократии. Массовая культура, пропагандируемая и навязываемая посредством СМИ, преимущественно с телевизионных экранов, активно способствует росту потребления и, соответственно, производства. “Ненавязчивая” реклама разнообразных товаров, образцов поведения, красоты и потребления повсеместно и ежеминутно подсказывает, что покупать, чем пользоваться и что вообще человеку нужно. Тем самым она стандартизирует, унифицирует, примитивизирует индивидов, которые становятся похожими друг на друга, что упрощает осуществление контроля за ними. Украинский ученый также обращает внимание на перспективу опасного обеднения эмоционального и духовного мира человека в связи с тем, что он все чаще сталкивается не с предметным миром, а с его моделями, знаками, символами. Однако, подчеркивает ученый, совершенно очевидно, что язык символов не может заменить языка предметно-смыслового, подобно тому, как виртуальный контакт никогда не сможет заменить реального [20]. Действительно, у машины, вырабатывающей искусственный интеллект, отсутствует человеческое сердце, а значит, и эмоции. Ни один компьютер не в состоянии почувствовать, любить, заботиться, утешать, шутить, ласкать, проявлять нежность и любовь. Трудно не согласиться с тем, что уменьшение непосредственных контактов между людьми, происходящее весьма быстрыми темпами в глобализованном мире, может привести к ужасным и необратимым последствиям, а именно к асоциализации и деперсонализации.

Уже сейчас замечено, в частности З.Бауманом, что под влиянием глобализации происходит резкое снижение, если не полная потеря, контроля индивидов над процессами и событиями, влияющими на судьбы людей, что свидетельствует, по мнению ученого, об объективном, неподконтрольном, непредсказуемом, спонтанном и случайном характере современного общественного развития [см.: 22]. Утрата человеком контроля над большинством

значимых социальных процессов, вследствие чего крайне возрастает неопределенность, является, по мнению британского социолога, едва ли не самым главным признаком постмодерного общества, которое он характеризует как индивидуализированное общество. В таком обществе человек становится практически беззащитным перед силой процессов, которые он не может контролировать. Это порождает у него стремление отказаться от долгосрочных целей и задач ради достижения ближайших целей, удовлетворения насущных потребностей и получения немедленных результатов, что означает радикальный пересмотр всей системы ценностей и приводит в конечном счете к дезинтеграции как социальной, так и индивидуальной жизни. З.Бауман отмечает, что западная культура не вознаграждает длительные усилия ради какой-либо отдаленной во времени цели, результат необходим здесь и сейчас. Постмодерная культура, подчеркивает социолог, «способна разделить жизнь на ряд эпизодов, проживаемых с намерением предотвратить любые их долгосрочные последствия и уклониться от жестких обязательств, которые вынудили нас эти последствия принять. Вечность... не имеет значения» [22, с. 315]. Люди, в частности, перестают уважать семейные традиции и ценности, в итоге разрушается связь между членами семьи и между поколениями. Традиционные ценности человеческого общежития, среди которых главными являются Любовь, Истина, Справедливость, Добро, теряют ценность. При этом теоретик отмечает, что представления об этих, бесспорно, вечных ценностях весьма расплывчаты или полностью искажены. В современном постмодерном мире человек превыше всего ценит деньги, поскольку благодаря им он, как ему кажется, может удовлетворить все свои потребности и желания. Выбрав такую жизненную ориентацию, люди начинают относиться к другим людям не как к личностям, не как к цели, а как к вещам, как к средствам, которые им следует использовать для получения желаемых результатов. Каждый считает личностью, субъектом только себя, рассматривая остальных как часть враждебного мира. Отношение людей друг к другу с позиций эгоцентризма порождает взаимное отчуждение, враждебность, неприязнь, что, по сути, является отрицанием другой личности. В современном обществе ценность человека-потребителя измеряется прежде всего толщиной его кошелька, поэтому человек старается как можно выгоднее «продаться», предлагая себя в качестве товара. Так, в условиях уменьшения количества рабочих мест и повышения требований к желающим их занять усиливается конкуренция и все связанные с ней настроения, когда «другого» рассматривают как конкурента, как соперника, наконец, как врага.

Процессы глобализации и информатизации в западных странах, которые можно расценивать как процессы постмодернизации, способствовали появлению компьютерной коммуникации, чья роль в формировании будущей культуры высокоиндустриализированных обществ быстро возрастает. Интернет позволил выполнять качественно новые функции в обеспечении корпоративной и личной коммуникации, а также создать новую среду обитания и существования. Место непосредственного общения занимает общение информационное, посредством компьютеров и сотовых телефонов. Телевизор, ставший идиолом современной цивилизации, отчуждает друг от друга людей, живущих в одном доме и даже в одной семье, подменяя живое, личностное общение иллюзорными мечтами и фантазиями. К тому же это отчуждение в значительной мере культивируется СМИ. Популярные телевизионные

шоу типа “Последнего героя” или “Слабого звена”, которые можно рассматривать как косвенные эксперименты над людьми, создают на экране и в сознании людей модель современной общественной жизни, предстающей как жестокая игра на выживание, в которой выигрывает “сильнейший”, то есть “самый лучший”. В этих “взрослых” играх во весь голос утверждается, что “другие” (команда) нужны только как средство на пути к собственному успеху. Каждый играет и должен играть только сам за себя. Так внушают мысль, что справедливость игры, а значит, и жизни заключается в том, что проигравший сам виноват в собственной неудаче, поскольку оказался либо недостаточно сообразительным, либо недостаточно уверенным, либо недостаточно хитрым, словом — недостаточно приспособленным к жизни. Кроме того, телевидение с помощью оптических эффектов, клиповости и других приемов трансформирует реальную картину жизни в иную — виртуальную (ложную/обманчивую) реальность, вводя человека в особое, измененное состояние сознания и отвлекая, а точнее, отгораживая, отдаляя его от реальной жизни и реальных людей. Наконец, ослабление и полный разрыв социальных связей порождают дезориентированность, неуверенность, незащищенность и одиночество человека в таком сложном, непонятном и опасном для него мире. Таким образом, в постмодерном обществе наблюдается деградация духовной сферы, что является следствием отхода людей от идеи Бога, от главных Божьих заповедей — заповедей Любви.

Деструктуризация социальной среды

В социальной сфере процессы глобализации и информатизации привели к радикальным изменениям социальной структуры западных обществ. В классической социологической теории и в современном обществе господствовало мнение, что общество — это нечто целое, система, образовавшаяся путем дифференциации и интеграции, а все элементы этой системы взаимосвязаны и взаимозависимы, то есть образуют определенную структуру, организованную функционально и иерархически. Иначе говоря, структура — это иерархическое строение общества, расслоенного в соответствии с определенным критерием на разные функционально зависимые друг от друга пласты, страты, классы (сословия) или группы, представители которых имеют неравные права, возможности и обязанности. Действительно, в современном (индустриальном) обществе, главной сферой которого была экономика, наблюдалось четкое разделение членов общества на различные социальные группы, главными из которых были классы — большие группы людей, имевших, согласно К.Марксу, антагонистические интересы, поскольку одни из них — капиталисты — обладали, а другие — наемные работники — не обладали средствами производства, одни, соответственно, были богатыми, эксплуататорами (угнетателями), имевшими власть и доступ к широкому кругу материальных и социальных благ, а другие — бедными, эксплуатируемыми (угнетенными), подвластными. Кроме того, представители каждого класса вели определенный образ жизни, придерживались определенных норм, ценностей и имели определенные ориентации. В ситуации постмодерна, когда на передний план общественной жизни выходит сфера культуры, классы утрачивают то важное значение, которое они имели в современном обществе, вследствие чего социальная структура становится более фрагментированной и сложной, характеризуется целым рядом оснований для

дифференциации, к которым кроме класса относятся пол, этничность, возраст. Одновременно с усилением роли культуры в регуляции поведения людей и создании качественно новых структур в современном западном обществе происходит “размывание” широкомасштабных структурных образований, которыми традиционно занималась и продолжает заниматься социология. Наблюдается своеобразное “окультуривание” человеческой жизни. Исчезают объективно значимые системы стратификации, обязательные образы жизни, место традиций занимают стили, жизненные формы свободно выбираются и т.д. Основным критерием социальной стратификации в современных обществах, как отмечает Д.Белл, становится уровень образования и знаний, в противовес критерию обладания средствами производства [24]. Повышение роли знания в эпоху постмодерна, связанное с усложнением технологической сферы, обуславливает возрастание значения высокообразованной и высококомпетентной технологической элиты, претендующей на руководящую, если не господствующую роль в обществе и стремящейся контролировать процессы социального производства, что может, как предупреждают, привести к открытому конфликту с представителями капитала. В постмодерных социумах, таким образом, формируется новая правящая элита, идущая на смену старой властной элите и отличающаяся высоким уровнем знания и компетентности в технической сфере (это следует подчеркнуть). Однако обратим внимание на то, что новая технократическая элита Запада — интеллектуалы — качественно отличается от старой элиты тем, что не имеет того многомерного представления о мире, присущего прежней элите, представителей которой называли интеллигенцией. Они довольствуются получением тех знаний, которые могут быть применены в узкой технической сфере для повышения эффективности производства и благодаря которым они могут весьма пристойно существовать. К тому же одним из характерных признаков интеллигентов была их преданность высоким моральным принципам, им было присуще чувство личной ответственности за будущее их народа или их нации. Нынешние интеллектуалы, как правило, исповедуют космополитический принцип, который поощряется глобализационными процессами: “*Ibi patria, ubi concordia*”. Интеллектуалы — это в основном специалисты в узкой сфере, которые оказываются абсолютными профанами в других областях, в том числе и гуманитарной. И это служит поводом для беспокойства. Куда может завести такая элита, которая из-за своего ограниченного мировоззрения и беспринципности (чтобы не сказать — аморальности) безответственно относится к последствиям собственной деятельности, которые она не в состоянии предвидеть и спрогнозировать, о чем свидетельствуют техногенные катастрофы XX века? Итак, приходится, вслед за К.Маннгеймом констатировать, что в обществе, полностью использующем свои силы для организации, а именно таково современное постмодерное общество, преобладает элита в сфере политики и организации, тогда как элита в сфере науки, искусства и религии если не отсутствует совсем, то во всяком случае не играет заметной роли в обществе. Относительно управленческой (бюрократической) элиты в индустриально развитом обществе другой известный социолог Э.Фромм отмечал, что ее члены — “уже не элита в прежнем смысле, то есть группа, созидаящая культуру. Хотя они тратят значительные суммы на поддержку науки и искусства, как класс они такие же потребители “культурного благосостояния”, как и те, для кого оно предназначено” [25, с. 242].

Кризис политической сферы. Преобразование демократии

В политической сфере обусловленный процессами глобализации переход от модерного общества к постмодерному проявляется в исчезновении крупных правительственных структур, в упадке государства всеобщего благоденствия, ограничении прав общественной собственности на важнейшие коммунальные предприятия и услуги в условиях ощутимого вмешательства государства в экономику, а также в появлении в экономической политике постмодерных государств противоположных тенденций, когда поддерживается самостоятельность, конкурентоспособность, рыночное и частное предпринимательство. В итоге становятся менее заметными, а то и вовсе исчезают многие компоненты государства всеобщего благоденствия, например специализированные виды помощи и услуг предназначаются только тем, кто в них более всего нуждается. В современных условиях общественной жизни Запада государственные компании распродают со скидкой, а правительства все менее охотно возлагают на себя ответственность за управление всеми аспектами экономики. На современном этапе, как отмечает У.Бек, правительствам западных стран трудно поддерживать модель государства “всеобщего благоденствия”, поскольку, главным образом из-за конкуренции со США, им приходится значительно снижать налоги, а это, в свою очередь, приводит к снижению уровня социальных гарантий. У.Бек, размышляя над проблемами своего общества в социальной сфере, замечает, что мировое общество, образовавшееся в процессе глобализации во многих сферах, а не только в экономической, ослабляет и ставит под сомнение могущество национального государства. Это мировое общество, утверждает ученый, создают владельцы ТНК, которые могут “производить продукцию в одной стране, платить налоги в другой, а требовать государственных субсидий в форме мероприятий по созданию инфраструктуры — в третьих” [2, с. 15]. К тому же они сами определяют размер налога, что дает им возможность шантажировать правительства национальных государств, а то и вовсе уклоняться от уплаты налогов. Немецкий исследователь отмечает, что ТНК имеют наднациональный характер, руководствуются собственными интересами и “де-факто” порывают с национальным государством, что приводит к падению уровня социальной интеграции внутри стран и разрушению “государства всеобщего благоденствия”. Национальные государства, еще недавно гордившиеся высоким уровнем жизни своих граждан, вынуждены выплачивать кодифицированные субсидии безработным, количество которых катастрофически возрастает, по мере утраты контроля над налогами. В условиях углубления пропасти между богатыми и бедными социальное государство теряет средства для сохранения мира и согласия. По словам У.Бека, “новые богатые больше не нуждаются в новых бедных”, к тому же непросто установить хоть какое-то равновесие между ними из-за отсутствия общности, в рамках которой можно было бы локализовать и урегулировать этот конфликт, выходящий за пределы национального государства.

С исчезновением классов наблюдается кризис в политической сфере, который выражается прежде всего в кризисе партийных систем, призванных защищать интересы определенной части общества. Как утверждает В.Танчер, тяга современного мира к единению, глобальной интеграции противоречит традициям партийного функционирования, сложившимся на почве разделения общества на классы, сословия, отдельные общности, кланы,

поскольку реализация краткосрочных “всемирных” задач требует широкомасштабных политических объединений, руководствующихся интересами всего общества [26, с. 14–15]. Такие объединения, пытающиеся охватить весь электорат, прибегая для этого к популистской риторике, называют “всеобщими партиями”, или “партиями широкой общественности”. Эти массовые партии, подобно любым организованным движениям, выступают своеобразными “пунктами власти” постмодерного общества, которые не просто “отражают интересы”, а конструируют социально-политические отношения, формируют и интерпретируют социальный мир, видоизменяют социальное пространство [26, с. 39]. Возникновение подобных партий повлекло за собой так называемую “постмодерную политику”, которая, в частности, выражается в том, что избирательные кампании становятся все более коммерциализованными, централизованными и персонализированными. Организация избирательной кампании осуществляется вокруг конкретной популярной личности, при этом часто практикуется “разовая” (ad hoc) мобилизация широких слоев; наблюдается отсутствие попыток объединить избирателей вокруг конкретных мировоззренческих позиций. Меньшей оказывается направленность на определенную идентификацию и большей — неочерченность элит партийных структур. Политические события, в том числе выборы, превращаются в зрелищное коммерческое шоу, в котором участвуют не только политики, но и актеры, певцы, спортсмены, своей известностью или авторитетом привлекающие внимание избирателей к тому или иному политику. В ситуации постмодерна программы партий, их социальная база, религиозные и классовые коннотации утратили важность. Все это делает партии похожими, “стягивает” их к центру. В политической жизни постмодерного общества — вследствие упадка классовых идеологий — значительную роль начинают играть культурные различия, предпочтения и ориентиры как факторы политического выбора. Таким образом, политические симпатии индивида теперь зависят прежде всего от самоидентификации его с культурой определенной группы, с ее ценностями и стилем жизнедеятельности [26, с. 20–21].

Следует обратить внимание и на то, что информационная технологизация социальной жизни обусловила новый взгляд на демократию внутри развитых западных обществ. У них появилась новая концепция демократии — концепция “компьютерной демократии”, в которой информация и знание воплощают власть [27, с. 318]. В современных западных обществах приоритетное значение приобрела правильно разработанная и правильно осуществляемая программа информационной деятельности, являющаяся обязательным фактором достижения успеха, основой которого считается социальное сотрудничество и партнерство между социальными организациями и общественностью. Главным инструментом завоевания и удержания власти в демократическом обществе стало “общественное мнение”, которое, кстати, можно использовать как для осуществления и поддержания постоянного диалога между властными структурами и общественностью, так и для манипулирования сознанием последней в интересах правительственных и других влиятельных организаций. Именно благодаря существованию и изучению такого феномена, как общественное мнение, общественность при помощи ИТ реализует одно из своих основных прав — знать всю информацию о фактах общественной жизни и беспрепятственно высказывать свое мнение о них. В связи с этим в постмодерных обществах большое значение

приобретает “специальная система управления информацией, где под управлением подразумевают процесс производства информации заинтересованной в ней стороной, а также распространение готовой информационной продукции через средства коммуникации для направленного формирования нужного общественного мнения” [28, с. 19]. Речь идет о широком использовании в демократических обществах системы публич рилейшнз (PR), которую определяют как социальный институт отношений с общественностью. В роли своеобразного посредника между властью и постмодерным обществом выступают средства массовой информации (СМИ), постепенно превратившиеся в важные экономические, политические и социальные институты во всех развитых обществах Запада. Подчеркнем, что система СМИ, господствующим элементом которой в послевоенный период и до сих пор было и остается телевидение, оказывают огромное преобразующее влияние на формирование культуры, в том числе политической. В постмодерном обществе СМИ становятся “зеркалом” культуры и одновременно основным поставщиком “сырья” для нее, или, другими словами, ведущим культуроформирующим фактором.

Культурный сдвиг: изменение нормативно-ценностных установок западного сообщества

Процессы глобализации и информатизации обусловили и культурный сдвиг в общественной жизни развитых западных стран как на коллективном, так и на индивидуальном уровне, кардинально изменив ценностные установки членов западного общества. В эпоху модерна западная цивилизация разработала собственную систему ценностей, среди которых следует выделить индивидуализм, возникший на почве провозглашенных Великой французской буржуазной революцией прав человека и буржуазных свобод; частную собственность, закон, рационалистический прагматизм, культ денег и всего, что с ними связано, — славы, успеха, богатства; стремление непрерывного развития и прогресса, а также постоянного совершенствования окружающей среды. Нормативные установки на дисциплину, самоотречение и достижения, прежде всего экономические, формировали человека как вполне рациональное экономическое существо, которое стало отождествлять экономическое развитие с общественным прогрессом. Человек эпохи модерна построил индустриальное общество, характерными институциональными признаками которого были бюрократическое государство, дисциплинированная олигархическая политическая партия, конвейерная линия массового производства, профсоюз старого образца и иерархическая корпорация, которые в условиях быстрого развития высоких технологий и формирования высокоспециализированной рабочей силы утратили свою эффективность и, к тому же, перестали восприниматься на массовом уровне в обществе постмодерна в силу ценностной переориентации. Нельзя не согласиться с К.Марксом, М.Вебером и др., что в условиях стандартизированного производства происходит отчуждение рабочего от продукта производства и даже от самого себя, из-за нетворческого, а значит дегуманизирующего характера труда. В обществах, где главными были ценности экономической безопасности и физического выживания, подчеркивает американский исследователь Р.Инглхарт, люди были готовы на такие жертвы. А в обществах благоденствия они уже не желают быть “простыми винтиками” [29]. Тем более, что нормативно-ценностные ориентации западного челове-

ка, сформированные в капиталистических обществах, по мнению известного американского социолога Д.Белла, всегда были и остаются амбивалентными, поскольку, с одной стороны, капиталистическая система нацеливает людей на упорный труд и признание обществом их особых заслуг в сфере труда, а с другой — в значительной мере под влиянием СМИ и рекламной продукции “общества массового потребления” — на беззаботную жизнь, полную разнообразных наслаждений, несовместимую с тяжким, однообразным и неинтересным трудом [30]. В связи с этим в западном обществе обостряется конфликт между традиционными буржуазными ценностями и “квазиценностями массовой культуры” и между их носителями, причем этот конфликт приобретает глобальный характер [31, с. 25]. Если ценности эпохи модерна ориентировали индивида на упорный труд ради достижения общественного прогресса и в конечном счете собственного благосостояния, то ценности, возникающие в условиях постмодернизации, благодаря СМИ решительно отрицают классические буржуазные ценности и формируют потребительское и гедонистическое отношение к жизни. Стоит обратить внимание еще на одну проблему, которую отметил Р.Мертон в своей работе “Социальная теория и социальная структура”, — несмотря на стремление к высоким целям (ценностям), задаваемым западной культурой, богатству, славе, успеху, которые обеспечивают высокий общественный статус, возможность их достижения институционально ограничена, что вызывает состояние аномии и различные отклонения в поведении [32].

В постмодерном обществе усиливается роль новых культурных факторов, что проявляется в увеличении значения так называемой культуры индустрий; во все большей эстетизации повседневной жизни, когда повседневную жизнь отдельного индивида начинают рассматривать как эстетический или культурный проект; в формировании идентичности на основе индивидуального выбора, а не путем традиционной аскрипции; во фрагментации индивидуальной идентичности в соответствии с меняющимися обстоятельствами личной жизни и окружающей социальной среды; в различиях в опыте времени и пространства [33, с. 61]. Эти изменения в культурной жизни западных стран современные исследователи связывают с фундаментальным сдвигом в системе ценностей западного человека — сдвигом от “материальных к постматериальным ценностям” (Р.Ингларт), произошел благодаря беспрецедентному росту уровня экономической безопасности в развитых обществах Западной Европы, который характеризуют как “ценностный синдром постмодерна” [29]. Об этих изменениях в системе ценностей свидетельствуют данные эмпирических исследований, проведенных по программе американского Национального демократического института международных отношений (НДИ) в рамках “Всемирного обзора ценностей” в более чем сорока обществах, в том числе странах-членах Европейского Союза, в течение 25 лет, с 1970-го до 1995-го. Полученные результаты дают основания утверждать, что если досовременное аграрное общество и современное индустриальное были сформированы ценностями выживания, то новое постмодерное общество появляется благодаря “постматериальным” (постматериалистическим) ценностям, которые характеризуют качество жизни или субъективное благосостояние: возможности самовыражения, политическому участию, межличностному доверию, терпимости и т.д. Эти ценности, как подчеркивают исследователи, образовали ядро того сдвига постмодерна, который переформирует политическое мировоз-

зрение, религиозные ориентации, гендерные роли и сексуальные нормы передового индустриального общества, вследствие чего начинается упадок традиционных политических, религиозных, социальных и сексуальных норм. Некоторые западные социологи обращают внимание на то, что в западных обществах происходят важные изменения в системе ценностей: на место экономических достижений, по их мнению, приходит более сильное акцентирование качества жизни, наиболее существенными характеристиками коего становится свобода индивидуального выбора жизненных стилей и индивидуального самовыражения, которые, собственно, и понимают как “постматериальные”. Эти изменения стали возможными, как принято считать, благодаря технологическим достижениям индустриальных стран, что повлекло за собой повышение уровня экономической безопасности и появление ценностей постмодерна, ориентированных на индивидуальное самовыражение и совершенствование собственного “индивидуального проекта”. Тем не менее тот же Инглгарт замечает, что “постматериалисты не являются нематериалистами, а тем более антиматериалистами”. По словам Р.Инглгарта, термин “постматериалист” указывает на группу целей, приобретающих значимость после того, как люди достигли материальной безопасности, и именно потому, *что они ее достигли* [29, с. 16]. При этом приоритеты могут меняться и в обратном направлении в случае ослабления безопасности.

Нужно обратить внимание еще на одну черту глобального общества, которую отметил З.Бауман и которая существенно влияет на жизнь современного человека, — это способность его членов быстро перемещаться и моментально передавать разнообразную информацию, что обусловило эффект “сжатия” планеты и одновременно расширило жизненное пространство человека. Это привело к изменению роли пространства и времени в качестве маяков в окружающем мире. Расстояния уже не имеют прежнего значения. Однако эти новые возможности и блага для большинства людей недоступны, подчеркивает социолог. Это привилегии богатых людей, ставших чрезвычайно мобильными и “экстерриториальными”. Эти люди, принадлежащие к миру элит, существуют везде и в то же время нигде. Созданная ими сеть власти имеет преимущественно финансовый вид и лишена территориальной принадлежности. По словам З.Баумана, развитие техники привело к тому, что границы теряют свою прежнюю суть: они уже не разделяют, а соединяют. Возникновение киберпространства стирает любые координаты: в Интернете все одинаково присутствует, все существует здесь и сейчас и находится на одинаковом расстоянии [4]. То есть пространство теряет свою значимость в современном мире, а вместе с ним обесценивается и обедняется его предметное содержание.

Общество постмодерна — побочный продукт глобализации?

Итак, глобализацию следует рассматривать как неоднозначный, многомерный и нелинейный процесс, как внесистемный фактор влияния на общественное развитие. Этот процесс сопровождается драматическими изменениями в социальной, экономической, политической и культурной жизни западных, как, впрочем, и других стран мира, о чем свидетельствуют данные социологических и экономических научных исследований, доказывающих, что в большинстве стран, в том числе и промышленно развитых, усиливаются негативные тенденции во всех сферах общественно-политической и общественно-экономической жизни и набирают темп после распада двупо-

люсной модели мира, что дало основания говорить уже в 80-х–90-х годах XX века о глобальном кризисе, который теоретики постмодернизма (Ж.-Ф.Лиотар, Ж.Бодрийяр, З.Бауман) трактуют как кризис модернистского проекта — проекта справедливого и счастливого общества, который должен был осуществиться под лозунгами Свободы, Равенства и Братства, начертанными на знаменах Французской буржуазной революции. Напомним, что содержание этого проекта нашло отражение в Декларации прав человека и гражданина 1789 года, первая статья которой провозглашала, что люди рождаются и остаются свободными и равными в правах. Но едва ли не самой главной статьей Декларации была та, которая провозглашала священным и неприкосновенным право частной собственности, что противоречило принципу равенства людей в правах и увековечивало имущественное неравенство. Эта взрывоопасная противоречивость в итоге подорвала устои западной демократии, провозгласившей равенство возможностей, и привела к краху просветительских идеалов и надежд и к подрыву веры в прогресс — в способность человечества построить совершенное общество, а значит, и к краху модернистского проекта. Контовский идеал общества, которое должно было основываться на любви, порядке, мире и согласии и целью развития которого был прогресс, то есть постепенное совершенствование общества на основе научного знания, оказался утопическим.

Рассмотрев и проанализировав, в основных чертах, глобальные социально-экономические и информационные процессы в развитых странах Запада и вызванные ими важные изменения во всех сферах общественной жизни, можно сделать *вывод* о становлении под влиянием глобализации нового общества, кардинально отличающегося от предыдущего. Среди характерных признаков новообразующегося общества, которое можно считать побочным продуктом глобализации, выделим следующие: 1) формирование глобальной постиндустриальной экономики, основанной на постфордистских методах организации производства, что сопровождается усилением конкуренции и безработицы, а также ростом богатства незначительного меньшинства и бедности подавляющего большинства, что приводит к кардинальным изменениям в общественных отношениях; 2) исчезновение государства общего благоденствия, что свидетельствует об отходе от идеалов Просвещения, упадке веры в прогресс, то есть в возможности людей построить счастливое и справедливое общество; 3) усложнение социальной структуры в связи с изменением стратификационного критерия и образование деструктурированной социальной среды; 4) возрастание значения технологической элиты, претендующей на господствующую роль в обществе и стремящейся контролировать процессы социального производства; 5) деидеологизация общественной сферы, децентрализация политической власти, возникновение «компьютерной демократии», что означает переход от представительской демократии к непосредственной и свидетельствует о диффузии властных отношений в обществе; 6) изменение ценностных ориентаций определенной части западного сообщества, исповедующей потребительское и гедонистическое отношения к жизни, акцентируя при этом качество жизни и возможность самовыражения, что приводит к усилению роли культуры — прежде всего культуры потребления — и к ее превращению в господствующую сферу общественной жизни; 7) деградация духовной сферы, упадок морали в результате повсеместного отхода от идеи Бога, сущность кото-

рой — любовь к “ближнему”, то есть к любому человеку; и наконец, как следствие: 8) усиление взаимного отчуждения людей друг от друга и от общества, разрыв социальных связей, в силу чего возрастает степень индивидуализации (или скорее атомизации) западного общества и возникает “разбалансированный мир одинокого потребителя” (З.Бауман).

Таким образом, можно утверждать, что именно новые реалии, свидетельствующие о радикальных преобразованиях всех сфер общественной жизни, позволяют трактовать развитые общества Запада как постмодерные, радикально отличающиеся от обществ эпохи модерна. Перспективы дальнейшего изучения этой проблематики автор усматривает в продолжении серьезного, незаангажированного исследования влияния глобализационных процессов на человека и общество в целом и на украинское общество, которое ищет свое место в глобальной системе, в частности. Следует задуматься над вопросом: насколько постмодерное общество привлекательно как “идеальная” модель для украинского общества?

* * *

Заметим, что этот вопрос — лишь часть проблемы социальной идентичности украинского общества, связанной с выбором моделей идентификационных практик, одна из которых предполагает существование определенного образца для подражания. Но чтобы идентифицироваться по образцу, сначала нужно определиться в отношении самого себя, осознать и назвать себя [34, с. 208–209]. Мы, украинцы, должны понять, кто мы есть, каково наше общество, чем мы отличаемся от других, чтобы определить, куда нам идти, к чему стремиться и какое общество строить. А для этого следует обратиться к своему прошлому, к нашей истории.

Литература

1. *Ritzer G.* The McDonaldization of Society. — Thousand Oaks; L., 1993.
2. *Бек У.* Что такое глобализация? Ошибки глобализма — ответы на глобализацию. — М., 2001.
3. *Giddens A.* The Consequences of Modernity. — Cambridge, 1990.
4. *Bauman Z.* Globalization. The Human Condition. — Cambridge, 1998.
5. *Wallerstein I.* The Modern World System // Social Theory: The Multicultural and Classic Readings. — Boulder (Col.), 1993.
6. *Арсеенко А.* Глобализация: социальные изменения и последствия в преддверии XXI века // Социология: теория, методы, маркетинг. — 1999. — № 1. — С. 42–56.
7. *Арсеенко А.Г.* Глобальные аспекты и перспективы социального развития в преддверии XXI века // Социальная политика в условиях экономических и политических реформ украинского общества : Приложение к журналу “Персонал”. — 2000. — № 1. — С. 35–38.
8. *Арсеенко А.Г.* Глобальный рынок рабочей силы: реальный или виртуальный? // Проблеми розвитку соціологічної теорії. Теоретичні проблеми змін соціальної структури українського суспільства : Наукові доповіді і повідомлення II Всеукраїнської соціологічної конференції / За ред. М.О.Шульги. — К., 2002. — С. 168–172.
9. *Головаха Е.И.* Социологическая публицистика. — К., 2001.
10. *Ручка А.О.* Особливості сучасної культурної глобалізації // Проблеми розвитку соціологічної теорії. Теоретичні проблеми змін соціальної структури українського суспільства : Наукові доповіді і повідомлення II Всеукраїнської соціологічної конференції. — С. 353–358.

11. Толстых Н.В. Особенности формирования социальной структуры общества в условиях глобализации // Проблемы развития социологической теории. Теоретичні проблеми змін соціальної структури українського суспільства : Наукові доповіді і повідомлення II Всеукраїнської соціологічної конференції. — С. 180–182.
12. Малюк А.Н. Гегемония США в современной мир-системе и исторический кризис капитализма // Проблемы развития социологической теории. Теоретичні проблеми змін соціальної структури українського суспільства : Наукові доповіді і повідомлення II Всеукраїнської соціологічної конференції. — С. 183–189.
13. Бойко Н.Л. “Интернетизация” общества как фактор демократизации современного социально-контрольного процесса // Проблемы развития социологической теории. Теоретичні проблеми змін соціальної структури українського суспільства : Наукові доповіді і повідомлення II Всеукраїнської соціологічної конференції. — С. 195–199.
14. Паращевін М.А. Проблемы формирования культурного пространства за умов світу, що глобалізується // Проблемы развития социологической теории. Теоретичні проблеми змін соціальної структури українського суспільства : Наукові доповіді і повідомлення II Всеукраїнської соціологічної конференції. — С. 200–203.
15. Резнік О.С. Територіальна ідентичність особистості за умов формування політичної нації та глобалізації // Проблемы развития социологической теории. Теоретичні проблеми змін соціальної структури українського суспільства : Наукові доповіді і повідомлення II Всеукраїнської соціологічної конференції. — С. 204–208.
16. Кремень В., Танчер В. Україна в контексті глобалізму. — К., 1998.
17. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. — М., 2000.
18. Большой толковый социологический словарь (Collins): В 2-х т. — М., 1999. — Т. 2.
19. Удовик С.Л. Глобализация: семиотические подходы. — М.; К., 2002.
20. Дзюба І.М. Україна перед сфінксом майбутнього // Український історичний журнал. — 2002. — № 3. — С. 3–22.
21. Кононов И. Интеграция и регионализация в Европе: взгляд из Уэльса // Социология: теория, методы, маркетинг. — 2001. — № 4. — С. 203–208.
22. Бауман З. Индивидуализированное общество. — М., 2002.
23. Наука не винна. Розмова зі Станіславом Лемом // Нова Польща. — 2000. — № 1. — С. 137–143.
24. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество: Опыт социального прогнозирования. — М., 1999.
25. Фромм Э. Психоанализ и этика. — М., 1993.
26. Танчер В., Карась О., Кучеренко О. Політичні партії та рухи у світлі “ситуації постмодерну”. — К., 1997.
27. Капитонов Э.А. Социология XX века. — Ростов-на-Дону, 1996.
28. Королько В. Г. Основы публич релейшнз : Посібник. — К., 1997.
29. Инглгарт Р. Постмодерн: меняющиеся ценности и изменяющиеся общества // Политические исследования. — 1997. — № 4. — С. 6–32.
30. Bell D. The Cultural Contradiction of Capitalism. — N.Y., 1976.
31. Павленко Ю. Итоги цивилизационного развития человечества // Социология: теория, методы, маркетинг. — 2000. — № 4. — С. 13–31.
32. Мертон Р. Социальная теория и социальная структура (фрагменты) / Под ред. В.В.Танчера. — К., 1996.
33. Танчер В.В., Ильюшина Е.Я. Соціальне знання в перспективі постмодернізму // Вестник Международного Соломонова университета. — 1999. — № 2. — С. 58–67.
34. Тарасенко В., Іваненко О. Соціальна ідентифікація українського суспільства // Суспільна трансформація: концептуалізація, тенденції, український досвід / За ред. В.В.Танчера, В.П.Степаненка. — К., 2004.